

DOI: 10.15372/HSS20160110  
УДК 336.2(571.1/.5)(091)

Л.М. ДАМЕШЕК, И.Л. ДАМЕШЕК

### ЗАКОН 1898 г. О КРЕСТЬЯНСКИХ И «ИНОРОДЧЕСКИХ» НАЧАЛЬНИКАХ СИБИРИ: ОБСУЖДЕНИЕ И РАЗРАБОТКА

Лев Михайлович Дамешек,  
д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой,  
Иркутский государственный университет,  
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1,  
e-mail: levdameshkek@gmail.com  
Ирина Львовна Дамешек,  
д-р ист. наук, профессор,  
Иркутский государственный университет,  
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1,  
e-mail: dameshkek@rambler.ru

В конце XIX в. в основу правительственных мероприятий на окраинах государства были положены идеи теории «сильной и неделимой России». В 1887 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П.Игнатьев предложил распространить закон 1889 г о земских начальниках Европейской России на Сибирь. Эта идея была поддержана министрами внутренних дел И.Н. Дурново, финансов С.Ю. Витте, лично Александром III. В статье рассматривается история разработки и обсуждения законопроекта, отмечается, что законом 1898 г. о крестьянских и инородческих начальниках в Сибири было введено 107 должностей крестьянских начальников и образовано 25 уездных съездов. Показана роль крестьянского начальника в системе крестьянского и инородческого самоуправления.

*Ключевые слова:* Европейская и Азиатская Россия, Сибирь, И.Н. Дурново, С.Ю. Витте, сибирские генерал-губернаторы, законы 1889 и 1898 гг.

L.M. DAMESHEK, I.L. DAMESHEK

### THE LAW OF 1898 ON THE PEASANT AND INDIGENOUS OFFICIALS IN SIBERIA: DISCUSSION AND LEGISLATIVE DRAFTING

Lev M. Dameshek,  
Doctor of Historical Sciences,  
Professor, Head of the Department,  
Irkutsk State University,  
1, Karla Marxa Str., Irkutsk, 664003, Russia,  
e-mail: levdamshkek@gmail.com  
Irina L. Dameshek,  
Doctor of Historical Sciences,  
Professor,  
Irkutsk State University,  
1, Karla Marxa Str., Irkutsk, 664003, Russia,  
e-mail: dameshkek@rambler.ru

In the late XIX century Russia's policy towards the peripheries was based on a theory of "a strong and indivisible country". N.P. Ignatyev, the Governor-General of Eastern Siberia, suggested to extend the application of the law on land captains (enacted in European Russia in 1889) to the whole region of Siberia and to subject its peasant and indigenous population to the new authorities. This proposal was supported by the Minister of Interior I.N. Durmovo, Minister of Finance S. Yu. Vitte and personally by Alexander III. The law of 1898 introduced the new 107 positions for peasant officials and formation of the new 25 district (uezd) congresses. The peasant and indigenous officials in Siberia exercised far greater control over the peasantry as compared to the land captains in European Russia. From then onward the peasant chiefs were given full mastery of the local peasant and indigenous self-government bodies. They controlled economic activities and morale of peasantry; played a significant role in judicial cases concerning

rural population. Congresses of peasant chiefs were established in each district. They acted as courts of second instance challenging decisions made by peasant chiefs. Administrative reforms principally were aimed at strengthening the police control over the peasants and non-Russians in Siberia, accelerating russification of the latter, and at unification of administrative systems in the rural areas of European and Asian parts of Russia. The reform was carried out by the state of landowners and bureaucrats during the bourgeois era, however it retained some vivid feudal features. It quite fell within a range of measures taken by the government in the peripheral territories and aimed at preservation of the Empire's integrity.

*Key words: European and Asian parts of Russia, Siberia, Ministers I.N. Durnovo and S.Yu. Vitte, Siberian Governors-General, laws of 1889 and 1898 on land captains in European Russia and peasant and indigenous officials in Siberia.*

В XIX в. Российская империя, с позиций государственного устройства, представляла собой унитарное, централизованное государство. Однако в этом государстве наряду с административно-территориальным существовало также территориально-законодательное устройство империи [1, с. 45]. Появление такого законодательства стало возможным благодаря осознанию правительством невозможности в полном объеме «подчинить» окраинные территории действию общеимперских юридических норм, поливариантности окраинной политики империи в целом. Не случайно при анализе территориально-законодательной политики можно отчетливо наблюдать влияние на нее таких факторов, как географический, демографический, национальный, внутривластный, внешнеполитический и др. Законодательную политику самодержавия в Азиатской России невозможно понять вне общих замыслов законодателя. А они, по свидетельству такого авторитетного знатока «сибирского вопроса», как С.М. Прутченко, напрямую зависели от того, «в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности», которые были «неразлучными с постановкой управления слагающихся государств» [2, с. 5–6].

Между тем, несмотря на успехи в изучении истории Российской империи, достигнутые в последние 10–15 лет, тема места и значения Сибири в имперском законодательстве, как одном из важнейших направлений правительственного курса в крае, его периодизация и связь с общеимперскими процессами, специально не разрабатывалась. Изучение этого законодательства весьма актуально и сегодня с точки зрения понимания единства и региональных особенностей Российского государства. В числе законодательных актов периода кризиса империи [3, с. 662] особое место занимает закон 1898 г. о крестьянских и инородческих начальниках Сибири. Именно они, по справедливому замечанию Г. Жерновкова, «по образу и подобию» не только удивительно напоминали «российских земских начальников», но и были главными проводниками политики российского самодержавия в отношении крестьянства [4, с.25].

К сожалению, в отечественной историографии эта тема специально не разрабатывалась, а освещалась фрагментарно, в ходе изложения истории отдельных губерний и народов края, в связи с изучением вопросов управления крестьянами. Однако механическое переложение на сибирскую действительность основных особенностей правительственной политики в Европейской России является ошибочным. Незна-

ние делопроизводственного материала привело некоторых исследователей данного вопроса к ошибочным выводам и обобщениям. Так, В.И. Дулов утверждал, что в Восточной Сибири «на должности крестьянских начальников обычно назначались дворяне» [5, с. 76]. Ему вторил Н.П. Егунов, полагавший, что в результате введения закона 1898 г. «сибирское крестьянство... оказалось в непосредственном подчинении у дворян» [6, с. 133]. Иначе рассматривал этот вопрос В.Н. Никулин. В небольшом очерке, вошедшем в обобщающую работу по истории крестьянства Сибири [7, с.122–124], и в специальной статье [8, с.170–176] он сделал вывод, что в Сибири правительству не удалось «сосредоточить крестьянское дело» в руках дворянства [7, с. 124]. К аналогичному выводу пришел и Л.М. Дамешек в одной из ранних своих публикаций по этому вопросу [9].

В середине 1990-х гг. и в начале 2000-х гг. сибирское историописание обогатилось рядом монографических исследований, имеющих принципиально важное значение для понимания сути окраинной политики империи. Были сформулированы такие понятия, как имперская география власти, властное освоение окраин империи [10, 12, 13, 14, 15, 16, 17], отмечено хронологическое несовпадение реформаторских процессов в Европейской и Азиатской России [11], даны характеристики политических институтов власти самодержавия в регионе, его наиболее ярких представителей [12, 18] и т.д. Необходимо вновь обратиться к истории разработки и принятия закона 1898 г. о крестьянских начальниках Сибири. Проведению закона в жизнь будет посвящена отдельная публикация.

На востоке империи процесс освоения властью новых территорий на протяжении XVII – первой половины XIX вв. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные методы, закрепленные в Сибирском учреждении 1822 г. и провозгласившие начало политики имперского регионализма [18]. Однако в эпоху великих реформ правильность этой политики испытывает серьезное деформационное влияние, а в конечном итоге ставится под сомнение. Со времени восстания 1863 г. в Царстве Польском идея «единой и неделимой России» начинает вытеснять еще недавно столь часто упоминаемые ссылки на региональные особенности [16, с. 105], а курс на унификацию системы управления губерниями Европейской и Азиатской России становится всеобщим [19, с. 7].

В эту политическую палитру вполне вписалось предлодение иркутского генерал-губернатора Н.П. Игнатьева, изложенное им в специальной «Про-

грамме деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет»<sup>1</sup>. Данному документу автор придавал особое значение, прекрасно сознавая, что проект адресован не столько Комитету министров, сколько самому императору. Пройдя хорошую бюрократическую школу службы в Петербурге и имея широкий круг влиятельных и информированных родственников и знакомых, Игнатьев был осведомлен о разрабатываемых в недрах МВД проектах реформирования системы местного управления, связанных с введением в губерниях Европейской России института земских начальников. Это было сделано правительством законом 12 июля 1889 г. [20, с. 366–401]. Вот почему в основу своего проекта Игнатьев положил предложение о распространении данного закона на всю Сибирь. Это был важный шаг на пути унификации управления сельским населением Европейской и Азиатской России.

Принципиальное же отличие нового проекта от предложений гражданских губернаторов сибирских губерний и областей заключалось в том, что проектируемый закон предполагалось распространить на сибирских инородцев, окончательно подчинив их действию общероссийского законодательства. Конечную цель проекта автор сформулировал коротко и ясно как «обрусение «инородцев»<sup>2</sup>. Это предложение, прозвучавшее при слушании отчета Н.П. Игнатьева в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора»<sup>3</sup>.

В 1892 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново [21, с. 398] потребовал от иркутского генерал-губернатора и гражданских губернаторов Тобольской и Томской губерний представить заключение по рассматриваемому вопросу. Новый иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин не заставил себя долго ждать. В мае того же года он направил в министерство свой проект<sup>4</sup>, в котором предлагал не только распространить на Сибирь закон о земских начальниках, но и поручить им «попечение над инородцами». Горемыкин констатировал, что надзор за деятельностью органов самоуправления аборигенов со стороны полицейских управлений и земских заседателей существует только номинально и пользы не приносит, а «инородческие» родоначальники держат «подведомственное им население почти в рабстве». Выход из создавшегося положения Горемыкин видел в том, чтобы подчинить управление коренными жителями контролю земских начальников на тех же основаниях, как и крестьян. С аналогичных позиций смотрел на будущую реформу

и томский губернатор Г.А. Тобизен<sup>5</sup>, и его тобольский коллега В.А. Тройницкий<sup>6</sup>.

Важной составной частью разработки законопроекта чинами сибирской администрации явилось обсуждение вопроса о количестве будущих чиновников. При этом сибирская администрация, как и МВД, руководствовалась убеждением, что «близость власти к населению... имеет... важное значение для правильной постановки надзора и попечения о делах сельских обывателей». Вот почему количество вновь вводимых чинов по губерниям должно было распределиться следующим образом: в Тобольской – 68, Томской – 52, Енисейской и Иркутской – по 32. Значительное увеличение численности чиновников требовало увеличения денежных затрат на их содержание. Поэтому даже МВД, признавая утверждение предлагаемого сибирскими властями штатного расписания «весьма желательным», на деле сознавало сложность его осуществления.

Стремясь сгладить противоречия с всемогущим финансовым ведомством, И.Н. Дурново попытался сдержать аппетиты сибирской администрации и рекомендовал в Тобольской губернии учредить 42 должности вновь вводимых чиновников, в Томской – 36, в Енисейской и Иркутской – по 26. Денежные оклады будущих чиновников предлагалось определить в губерниях Западной Сибири – по 1500 руб., в Енисейской – 1600, в Иркутской – 1700 руб. в год. Однако и в таком объеме расходы на проведение реформы должны были составить 455 200 руб. Необходимые денежные средства инициаторы реформы надеялись получить из фондов государственного казначейства<sup>7</sup>.

Однако это предложение встретило возражение в лице министра финансов С.Ю. Витте. В специальной записке в МВД он указывал на бедственное положение с финансами в империи и на значительные в последнее время расходы на Сибирь из государственного казначейства. Выход из создавшегося положения Витте видел в переложении расходов на счет земских сборов по Сибири. Предложение это отражало правительственный подход к вопросам колонизации Сибири, согласно которому сановный Петербург всю тяжесть по освоению Зауралья стремился переложить на плечи населения Сибири. Не случайно даже местные власти признавали, что «земское обложение в Сибири... достигло уже значительной степени напряжения»<sup>8</sup>. Возражения С.Ю. Витте вызвали негативную реакцию И.Н. Дурново. В специальном отношении на имя Витте министр внутренних дел обратил внимание своего коллеги по Кабинету министров на необходимость «безотлагательного введения» в Сибирь положения о земских начальниках «в полном объеме». Такую настойчивость он считал

<sup>1</sup> Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131. Н.П. Игнатьев занимал должность восточносибирского генерал-губернатора в 1885–1887, иркутского генерал-губернатора – в 1887–1889 г.

<sup>2</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 200. Л. 12, об.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 162, 173 об.

<sup>5</sup> Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 65А. Л. 134а; Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 173.

<sup>6</sup> Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 69. Л. 136.

<sup>7</sup> Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2790. Л. 45–47.

<sup>8</sup> Там же. Ф. 573. Оп. 14. Д. 187. Л. 12–12 об.

вполне обоснованной, так как в условиях нарастающего революционного движения в стране в целом и в Сибири в частности увеличение потока переселенцев и числа ссыльных в крае, расширение полномочий и прав полицейского аппарата по отношению к сельскому населению должны были поставить население под постоянный надзор правительства и тем самым предотвратить возможность крестьянских волнений.

В создавшейся ситуации Витте был вынужден пойти на уступки. Он предложил Дурново в целях сокращения расходов на реформу «не устанавливать ныне же для органов правительственной власти новых прав по заведованию инородцами», а ограничиться реформой русского крестьянского населения. Однако эти доводы Дурново признал «едва ли правильными» и категорически заявил, что новые чиновники «будут с большим усердием и добросовестностью» относиться к своим обязанностям по заведованию аборигенами, чем это делалось до сих пор<sup>9</sup>. Окончательный штат вводимых чиновников предлагалось распределить по губерниям следующим образом: в Тобольской – 36, Томской – 29, Енисейской и Иркутской – по 21<sup>10</sup>. Говоря о борьбе в верхах царской бюрократии в связи с введением института крестьянских начальников, не следует принимать ссылки Витте на тяжелое материальное положение в стране за чистую монету. Следует учитывать тот факт, что он находился в эти годы в конфликте с министром внутренних дел и занял резко отрицательную позицию по отношению к институту земских начальников, послуживших прообразом крестьянских начальников Сибири.

Рассматривая предложения сибирских губернских властей относительно реформы управления аборигенами, новый министр внутренних дел И.Л. Горемыкин отмечал, что этот вопрос, связанный с пересмотром всего действующего законодательства об аборигенах, представляется слишком сложным для того, чтобы «законодательное разрешение его могло последовать попутно...». Министр не считал возможным приступить к его рассмотрению «без предварительной и весьма подробной разработки...». Вместе с тем он признавал необходимость принятия «некоторых мер, способных значительно улучшить существующее инородческое управление»<sup>11</sup>. Руководствуясь этим положением, Горемыкин высказывался в пользу значительного расширения функций земских начальников в отношении коренного населения Сибири. На земских начальников он предлагал возложить «обязанность надзора за действием родовых управлений и инородческих управ». Планировалось поручить земским начальникам «попечение о нуждах инородцев в тех пределах, в каких обязанности эти донныне принадлежали чинам полиции». Прежде всего, программа Горемыкина предус-

матривала наделение земских начальников судебными функциями.

Проведение указанных преобразований должно было устранить «наиболее вопиющие недостатки их управления» и хотя бы отчасти удовлетворить «хотайства местных властей». Более широкие преобразования казались министру преждевременными. Проектируемая реформа не должна была распространяться на всю Сибирь. Не предполагалось введение реформы в тех районах, «в которых, благодаря их отдаленности и малочисленности населения, и преимущественно инородческого, донныне не было введено общественное крестьянское управление»<sup>12</sup>. В Тобольской губернии это были Березовский и Сургутский округа, в Томской – Нарымский край, в Енисейской – Туруханский край. Таким образом, предложения Горемыкина предусматривали полное подчинение местного управления аборигенами контролю царской администрации. Проект вполне соответствовал бюрократическому духу эпохи контрреформ 1880–1890-х гг. и должен был способствовать усилению административно-полицейской опеки над сельским населением Сибири и органами его самоуправления. Предложения Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временного положения о крестьянских начальниках». Несколько позже крестьянским начальникам участков, в пределах которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и инородческих начальников»<sup>13</sup>.

Крестьянскими начальниками могли быть «только лица, окончившие курс в одном из высших или средних учебных заведений империи». Отсутствие образования не являлось препятствием к занятию должности, так как предусматривалась возможность назначения на эту должность лиц, выдержавших «соответствующее испытание». В законе, кроме того, подчеркивалось, что «неимение чина, соответствующего классу должности крестьянского начальника, не служит для лиц, указанных в настоящей статье, препятствием к занятию настоящей должности». Кандидатуры крестьянских начальников должны были утверждаться в Тобольской и Томской губерниях министром внутренних дел, в губерниях Иркутской и Енисейской – генерал-губернатором.

Круг деятельности крестьянских начальников был очень широк. Им поручался «надзор за всеми установлениями» крестьянского и инородческого управления. Важной обязанностью новых чиновников являлся контроль за «хозяйственным благоустройством и нравственным состоянием» сельских жителей. Закон предоставлял крестьянским начальникам все те административно-полицейские права, которыми ранее обладали в отношении коренных жителей чины земской полиции. Вместе с тем, права крестьянских начальников относительно аборигенов по сравнению с чинами земской полиции были значительно расширены. Кре-

<sup>9</sup> Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2790. Л. 95 об. – 96 об.

<sup>10</sup> Там же. Ф. 573. Оп. 14. Д. 18712. Л. 39–40.

<sup>11</sup> Там же. Оп. 3. Оп. 5. Л. 124; 173–174.

<sup>12</sup> Там же. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5124. Л. 173–174.

<sup>13</sup> ПСЗ-3. Т. 18. Л. 1503; Т. 23, отд. 1. № 23320.

стьянские начальники получили право утверждать повестку дня волостных и сельских сходов (ст.16), санкционировать их решения. Особенно возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах сельского населения (ст.36).

Неисполнение предписаний крестьянского начальника было чревато серьезными последствиями. В этом случае он имел право подвергнуть лиц, «подведомственных крестьянскому или инородческому управлению... без формального производства аресту» на срок до трех дней или денежному штрафу на сумму, не превышающую 15 руб. (ст.40). Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении должностных лиц всех категорий сельского управления. В законе указывалось, что «крестьянский начальник, вследствие рассмотрения жалоб..., принесенных на действия должностных лиц сельского, волостного и инородческого управления, а также непосредственно усмотренных им самим... проступков означенных лиц по должности, имеет право подвергнуть одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней». В случае более серьезных преступлений крестьянским начальникам предоставлялось право отстранять лиц крестьянского и «инородческого» управления от должности и даже входить в уездный съезд крестьянских начальников с представлением о «совершенном увольнении должностных лиц от службы или придании их суду» (ст.42). В каждом уезде учреждался уездный съезд крестьянских начальников.

В целом закон отразил определенным образом изменения, произошедшие в характере социально-экономического развития сельского населения края. Но в целом административные преобразования были направлены на усиление полицейской опеки над крестьянами и инородцами Сибири, русификацию последних и унификацию управления сельским населением Европейской и Азиатской России. По красноречивому замечанию Б.Н. Чичерина, это была эпоха «злой травли всех народностей, которые обвинялись в стремлении к сепаратизму» [22, с.130]. Реформа, проводимая помещичье-бюрократическим государством в буржуазную эпоху, сохраняла вместе с тем явные феодальные черты. Она вполне выписывалась в систему правительственных мероприятий на окраинах государства, направленных на сохранение целостности империи.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодак С.В. Территориально-законодательное устройство Российской империи (1800–1850-е гг.) // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Реформирование государственной службы в России: проблемы и пути их решения». 20–21 ноября 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 44–49.
2. Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г. в строе управления Русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899, 405 с.

3. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л.: Наука, 1984. 664 с.
4. Жерновков Г.И. Сибирь и правительство. Ново-Николаевск: Изд. Н.П. Литвинова, 1907. 52 с.
5. Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы Первой русской революции. Иркутск: Кн. изд-во, 1956. 270 с.
6. Егунов Н.П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Уч. зап. Бурят. пед. ин-та. Ист.-филол. сер. 1962. Вып. 95. С.130–139.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 399 с.
8. Никулин В.Н. Крестьянские начальники в Сибири (1898–1917) // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 170–176.
9. Дамешек Л.М., Оглезнева Г.В. Крестьянские начальники Иркутской губернии (1898–1917) // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. Иркутск, 1898. С. 21–35.
10. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1995. – 237 с.
11. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1997. 253 с.
12. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
13. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
14. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
15. Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти, XVIII – начало XX в. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 318 с.
16. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.). Иркутск: Отгис, 2009. 389 с.
17. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
18. М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию Сибирских реформ 1922 г.). Иркутск: Отгис, 2003. 263 с.
19. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 548 с.
20. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 444 с.
21. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти. Омск: Изд-во ОмГУ. 575 с.
22. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. 160 с.

#### REFERENCES

1. Kodan S.V. Territorial and legislative organization in the Russian Empire (1800–1850s). *Evolutsiya administrativnogo ustroystva i upravleniya v Rossii: Istoricheskaya retrospektiva i sovremennost. Materialy konferentsii "Reformirovaniye gosudarstvennoy sluzhby v Rosii: problemy i puti ikh resheniya"*. November 20–21, 2001. Ekaterinburg, 2001, pp. 44–49. (In Russ.)
2. Prutchenko S. Siberian peripheral territories. Regional establishments related to the statute of 1822 in the Russian governmental system. Historical and juridical essays. St. Petersburg, 1899, 405 p. (In Russ.)
3. Crisis of autocracy in Russia. 1895–1917. Leningrad, 1984, 664 p. (In Russ.)
4. Zhernovkov G. Siberia and the government. Novonikolayevsk, 1907, 52 p. (In Russ.)

5. *Dulov V.I.* Peasantry of the Eastern Siberia during the revolution of 1905. Irkutsk, 1956, 270 p.
6. *Egunov N.P.* On the formation of the institution of peasant officials in Transbaikalia. *Uch.zap.Buriat. ped.in-ta*, 1962, vol. 95, pp.130–139. (In Russ.)
7. Peasantry in Siberia in the epoch of capitalism. Novosibirsk, 1983, 399 p. (In Russ.)
8. *Nikulin V.N.* Peasant officials in Siberia (1898– 1917). *Voprosy istorii*, 1987, no. 1, pp. 170–176. (In Russ.)
9. *Dameshek L.M., Oglezneva G.V.* Peasant officials in Irkutsk governorate (1898–1917). *Politika samoderzhaviya v Sibiri XIX – nachala XX veka*. Irkutsk, 1898, pp.21–35. (In Russ.)
10. *Remnev A.V.* Autocracy in Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX century. Omsk, 1995, 237 p. (In Russ.)
11. *Remnev A.V.* Autocracy in Siberia. Administrative policy in the second half of the XIX – the early XX centuries. Omsk, 1997, 253 p. (In Russ.)
12. *Remnev A.V.* Far East of Russia. Geography of imperial power in the XIX – early XX centuries. Omsk, 2004. 552 p.
13. *Matkhanova N.P.* Governor-Generals of Eastern Siberia in the mid- XIX century: V.Ya. Rupert, N.N. Muraviev-Amursky, M.S. Korsakov. Novosibirsk, 1998, 428 p. (In Russ.)
14. *Matkhanova N.P.* Administration of Eastern Siberia in the mid. of the XIX century: Problems of social stratification. Novosibirsk, 2002, 250 p. (In Russ.)
15. *Dameshek L.M.* Imperial policy towards Siberian non-Russians. Irkutsk, 2007. – 318 p.
16. *Dameshek I.L., Dameshek L.M.* Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917). Irkutsk, 2009, 389 p. (In Russ.)
17. Siberia in the system of imperial regionalism. Ed. by L.M. Dameshek, A.V. Remnev. Moscow, 2007, 368 p. (In Russ.)
18. M.M. Speransky. Siberian variant of imperial regionalism (on the 180<sup>th</sup> anniversary of Siberian reforms by M.M. Speransky). Irkutsk, 2003, 263 p. (In Russ.)
19. *Mironov B.N.* Social history of Empire. St. Petersburg, 2003, Vol. 1, 548 p. (In Russ.)
20. *Zayonchkovsky P.A.* Russian autocracy in the late XIX century. Moscow, 1970, 444 p. (In Russ.)
21. *Remnev A.V.* Siberia in the geography of imperial power. Omsk, 2015, 575 p. (In Russ.)
22. *Chicherin B.N.* Russia before the XXth c. Berlin, 1901, 160 p. (In Russ.)

*Статья принята  
редакцией 01.02.2016*